

Аналитические задания

1 тур

8 класс

Ученикам 8 класса предлагается **письменное задание** аналитического характера. Необходимо **ВЫБРАТЬ** один из двух предложенных текстов: прозу или поэзию. Выполняя задание, ученики **создают текст ответа**.

Время выполнения – **не более трёх астрономических часов**. **Максимальный общий балл за задание – 25 баллов**.

Прочитайте стихотворение **Николая Алексеевича Заболоцкого «Песенка о времени»**. Каким видит поэт мир вокруг себя? Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого стихотворения. При работе можете опираться на предложенные вопросы.

Н.А. Заболоцкий

ПЕСЕНКА О ВРЕМЕНИ

Лёгкий ток из чаши А
Тихо льётся в чашу Бе,
Вяжет дева кружева,
Пляшут звёзды на трубе.

Поворачивая ввысь
Андромеду и Коня,
Над землёю поднялись
Кучи звёздного огня.

Год за годом, день за днём
Звёздным мы горим огнём,
Плачем мы, созвездий дети,
Тянем руки к Андромеде

И уходим навсегда,
Увидавши, как в трубе
Лёгкий ток из чаши А
Тихо льётся в чашу Бе.

Вопросы.

В чём особенности композиции (построения) стихотворения?

Какие культурные ассоциации рождаются в душе? Что переживает лирический герой?

Какие словесные изобразительные и выразительные детали кажутся вам особенно значимыми? Объясните роль этих деталей для понимания стихотворения.

Обратите внимание на систему повторов в поэтической речи. Какой эффект они создают, чему служат?

Прочитайте произведение **Ивана Сергеевича Шмелёва «Русская песня»**. Оформите свои впечатления и наблюдения в виде анализа этого рассказа Шмелёва.

И.С. Шмелёв

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я с нетерпением поджидал лета, следя за его приближением по хорошо мне известным признакам.

Самым ранним вестником лета являлся полосатый мешок. Его вытягивали из огромного сундука, пропитанного запахом камфары, и вываливали из него груды парусиновых курточек и штанишек для примерки. Я подолгу должен был стоять на одном месте, снимать, надевать, опять снимать и снова надевать, а меня повёртывали, закалывали на мне, припускали и отпускали – «на полвершочка». Я потел и вертелся, а за

не выставленными ещё рамами качались тополевые ветки с золотившимися от клея почками и радостно голубело небо.

Вторым – и важным – признаком весны-лета было появление рыжего маляра, от которого пахло самой весной – замазкой и красками. Маляр приходил выставять рамы – «впускать весну» – и наводить ремонт. Он появлялся всегда внезапно и говорил мрачно, покачиваясь:

– Ну, и где у вас тут чего?..

И с таким видом выхватывал стамески из-за тесёмки грязного фартука, словно хотел зарезать. Потом начинал драть замазку и сердито мурлыкать под нос:

И-ах и те-мы-най ле-со...

Да йехх и те-мы-на-ай...

Я старался узнать, что дальше, но суровый маляр вдруг останавливал стамеску, глотал из жёлтой бутылочки, у которой на зелёном ярлычке стояло «политура», плевал на пол, свирепо взглядывал на меня и начинал опять:

Ах-ехх и в темы-на-ам ле...

Да и в те... мы-ны-мм!..

И пел всё громче. И потому ли, что он только всего и пел, что про тёмный лес, или потому, что вскрывал и вздыхал, взглядывая свирепо исподлобья, – он казался мне очень страшным.

Потом мы его хорошо узнали, когда он оттащил моего приятеля Ваську за волосы.

Так было дело.

Маляр поработал, пообедал и завалился спать на крыше сених, на солнышке. Помурлыкав про тёмный лес, где «сы-тоя-ла ах да и со-сенка», маляр заснул, ничего больше не сообщив. Лежал он на спине, а его рыжая борода глядела в небо. Мы с Васькой, чтобы было побольше ветру, тоже забрались на крышу – пускать «монаха». Но ветру и на крыше не было. Тогда Васька от нечего делать принялся щекотать соломинкой голые маляровы пятки. Но они были покрыты серой и твёрдой кожей, похожей на замазку, и маляру было нипочём. Тогда я наклонился к уху маляра и дрожащим тоненьким голосом запел:

И-ах и в те-мы-ном ле-э...

Рот маляра перекосялся, и улыбка выползла из-под рыжих его усов на сухие губы. Должно быть, было приятно ему, но он всё-таки не проснулся. Тогда Васька предложил приняться за маляра как следует. И мы принялись-таки.

Васька приволок на крышу большую кисть и ведро с краской и выкрасил маляру пятки. Маляр лягнулся и успокоился. Васька соорудил рожу и продолжал. Он обвёл маляру у щиколоток по зелёному браслету, а я осторожно покрасил большие пальцы и ногти. Маляр сладко похрапывал – должно быть, от удовольствия. Тогда Васька обвёл вокруг маляра широкий «заколдованный круг», присел на корточки и затянул над самым маляровым ухом песенку, которую с удовольствием подхватил и я:

«Рыжий красного спросил:

– Чем ты бороду лучил?

– Я не краской, не замазкой,

Я на солнышке лежал!

Я на солнышке лежал, –

Кверху бороду держал!»

Маляр заворочался и зевнул. Мы притихли, а он повернулся на бок и выкрасился. Тут и вышло. Я махнул в слуховое окошко, а Васька поскользнулся и попал маляру в лапы. Маляр оттрепал Ваську и грозил окунуть в ведёрко, но скоро развеселился, гладил по спине Ваську и приговаривал:

– А ты не реви, дурашка. Такой же растёт у меня в деревне. Что хозяйской краски извёл, ду-ра... да ещё ревьёт!..

С того случая маляр сделался нашим другом. Он пропел нам всю песенку про тёмный лес, как срубили сосенку, как «угы-на-ли добра молодца в чужу-дальнюю сы-торонушку!...». Хорошая была песенка. И так жалостливо пел он её, что думалось мне: не про себя ли и пел её?

Пел и ещё песенки - про «темную ноченьку, осеннюю», и про «березыньку», и ещё про «поле чистое»...

Впервые тогда, на крыше сеней, почувствовал я неведомый мне дотоле мир – тоски и раздолья, таящийся в русской песне, неведомую в глубине своей душу родного мне народа, нежную и суровую, прикрытую грубым одеянием. Тогда, на крыше сеней, в ворковании сизых голубков, в унылых звуках маляровой песни приоткрылся мне новый мир – и ласковой и суровой природы русской, в котором душа тоскует и ждёт чего-то... Тогда-то, на ранней моей поре, – впервые, быть может, – почувствовал я силу и красоту народного слова русского, мягкость его, и ласку, и раздолье. Просто пришло оно и ласково легло в душу. Потом – я познал его: крепость его и сладость. И всё узнаю его...

Апрель, 1926